

К
Л
И
Н
И
Ч
Е
С
К
А
Я

трасть

Лидия Добросотова

Лидия Добросотова

Клиническая страсть

«Автор»

2026

Добросотова Л.

Клиническая страсть / Л. Добросотова — «Автор», 2026

«Клиническая страсть» — это история исцеления молодой женщины, оказавшейся в лабиринте разрушенной психики, травмирующих событий и онкологического диагноза. Под бременем трагических обстоятельств разум Софии стирает границы между воспоминаниями и иллюзиями, виной и ответственностью, любовью и зависимостью, а болезненная эйфория манит ее сильнее, чем реальный мир, искушая самозабвенной страстью.

© Добросотова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Лидия Добросотова

Клиническая страсть

Глава 1

Стеклянные двери отеля «Silver» приветливо распахнулись перед растрепанной, но вполне привлекательной женщиной, позволив ей вдохнуть утро нового ослепительного дня и вынудив тем самым спрятать покрасневшие от бессонной ночи глаза под темными стеклами. Казалось, что прохожие с осуждением провожали Софию взглядами, разочаровываясь в неопрятном образе и неухоженном лице, на котором темный загар предательски обнажал глубокие морщины. Но в действительности ее личность, как и внешний вид, были абсолютно безразличны жителям и туристам богемной улицы Gran de Gracia. Компания молодых людей отчаянно пыталась выбраться из ночной эйфории, мужчина в строгом голубом костюме огромными шагами пересекал улицу в направлении станции метро, а туристы-жаворонки расхаживали мимо дорогих витрин в ожидании открытия магазинов. Соня прибавила шаг, зачем-то стараясь догнать длинноногого делового мужчину, но у самого входа в метро он таинственно исчез из видимости, и это показалось ей странным, ведь на улице Gran de Gracia был единственный вход на станцию «Fontana», попасть на которую можно было только через наземный кассовый зал. Эта станция была открыта еще в далеком тысяча девятьсот двадцать четвертом году, как часть первой линии городского метрополитена, и частично сохранила свое первоначальное оформление, включающее уникальный фасад, украшенный барельефами, и выполненную из кованого железа входную дверь. Размышления об архитектурных особенностях Каталонии безвозвратно стерли из памяти внезапно исчезнувшего незнакомца в голубом костюме, и, передумав спускаться на самую глубокую станцию барселонской подземки, ландшафтный дизайнер София направилась в противоположную сторону.

Поскольку Соне не часто удавалось выбраться в центр города, то сейчас, находясь всего в сотне метров от шедевров Антонио Гауди, она просто не имела права проигнорировать сложившиеся обстоятельства и возможность в очередной раз полюбоваться резиденцией Мануэля Висенса, построенной в стиле неомудехар, который олицетворял собой переосмысление средневековой испанской архитектуры и восхищал многообразием арок и украшенных во всю высоту стен. Так удачно сочетая черты мавританского и европейского искусства, стиль мудехар получил особое развитие в областях Кастилия, Арагон и Андалусия, покоряя воображение цветными изразцами и гипсовым орнаментом.

Осмотрев исторический объект со всех сторон, София заострила свое внимание на витражных окнах, расположенных в курительной комнате дома и балконах, оформленных узорными решетками, в которых можно было разглядеть характерные для каталонского модерна растительные мотивы, а также образы причудливых существ. Восхищение творением почитаемого архитектора наполнило девушку энергией и каким-то распирающим чувством оптимизма, и она, отщелкав полсотни фотографий, содержимое которых было понятно только ей одной, снова быстро зашагала к метро, пересматривая на ходу отснятый материал.

В собственных дизайнерских концепциях София без зазрения совести позволяла себе заимствовать идеи знаменитых творцов, вдохновляясь их талантом и неожиданными решениями, искренне считая, что не только жители, к примеру, Барселоны имеют право наслаждаться подобным совершенством, но и собственник маленького подмосковного участка, заказавший проект у Софии, вполне достоин иметь миниатюрную копию или деталь какой-либо архитектурной достопримечательности, возможно, видоизмененной креативной спецификой современных ландшафтных направлений. В ее фотогалерее хранились миллионы, казалось,

одинаковых изображений, и только Соня знала, в чем именно их отличие и на каком из снимков запечатлена та или иная часть художественного шедевра. Увлеченная, она с колоссальным энтузиазмом погружалась и в инженерные составляющие, кропотливо изучая подземные коммуникации, электрические схемы и прочую невидимую историю знаменитых архитектурных чудес.

Устроившись на мягком сидении старого вагона, девушка тщетно пыталась вчитываться в увлекательный текст, поскольку окрыляющая энергия вновь покинула ее тело, а сонливое состояние предательски размывало черно-белые буквы. И хотя София не имела привычки ночевать в чужих постелях, все же вчерашний вечер стал исключением, вынудив ее задержаться в гостиничном номере приятельницы до самого утра, по той лишь причине, что Ира прилетела из Греции всего на пару дней, и девушкам хотелось вдоволь наговориться, обсудить свои новые работы, да и просто посплетничать за бокалом мягкого игристого вина. Подруга читала вслух «сырые», но от этого не менее волнительные главы своего еще неизданного романа, а Соня, не без удовольствия, хвасталась набросками ландшафтного проекта загородного комплекса апартаментов. И это беззаботное общение продолжалось до тех пор, пока коварное шампанское не заставило развеселившихся особ вернуться к трогательным воспоминаниям — в небольшой поселок на берегу Финского залива, где обоим суждено было испытать особенные чувства, навсегда изменившие их истории. Заметно запущенный, но уютный дом, расположенный на окраине коттеджного городка, стал для подруг судьбоносной отправной точкой, в силу того что именно в нем девушки приняли окончательное решение о переезде Иры — в Грецию, а Софии — в Испанию, оставив накопившиеся страхи, боль и одиночество в песках среди величественных сосен.

Монотонный голос невнятно пробормотал название станции, оторвав Соню от книги и обратив ее внимание на окружающих. Вагон барселонского метро был полупустой, а раннее утро выходного дня еще не успело разбудить темпераментных испанцев, и лишь с десяток таких же сонных попугачиков качались в такт старому поезду. София лениво огляделась и окунулась обратно в расплывающийся книжный сюжет, пока монотонный голос снова не заставил ее отвлечься. Расправив затекшие плечи, девушка выпрямила длинную шею и, неприлично зевая, принялась разглядывать пассажиров. Несколько человек были погружены в экраны смартфонов, из чьих-то наушников доносилась ритмичная музыка, а кто-то просто дремал, также открывая глаза на каждой станции и прислушиваясь к монотонному звуку. Среди безликого качающегося пространства вниманием Сони завладела лишь яркая книжная обложка в руках светловолосой девушки, сидящей напротив. Нескромно рассматривая заинтересовавший ее объект, София пыталась прочесть название, когда попугачица, заметив ее старания, дружелюбно продемонстрировала книгу. Удовлетворив свое любопытство, Соня ответила незнакомке благодарной улыбкой и отвернулась, но через мгновение обе девушки, как по команде, уставились друг на друга уже с абсолютно озадаченным выражением лица. Этот гипнотический сеанс прервало лишь монотонное бормотание, так не вовремя объявив станцию Софии, и, обескураженная, она медленно направилась к выходу, продолжая наблюдать за собой с яркой книгой, но чуть не споткнувшись у выхода, была вынуждена потерять ее из вида.

Сонливое состояние удивительным образом улетучилось, как и переживания о неопрятном внешнем виде, и Соня почти бежала от станции метро «Plaça Catalunya» к остановке пригородных автобусов «Rda. Universitat», поглядывая на часы и перебирая в голове временные интервалы отправления рейсового транспорта. Ранним утром большая часть туристов и жителей пригорода Барселоны непрерывным потоком стремилась в сторону центра города, и Софии пришлось с трудом пробираться через встречную толпу, чтобы наконец занять свое место в автобусе с номером AMB L95, следовавшем в миниатюрный городок Каталонии Castelldefels (далее Кастельдефельс), споры о происхождении названия которого не утихали и до сих пор. Так или иначе — сначала здесь всё же появился замок «Castell de Fels», а уже потом вокруг

него вырос этот камерный город с протяженным пляжем, приятной атмосферой и развитой инфраструктурой.

Несмотря на то, что Кастельдефельс находился всего в двадцати километрах от Барселоны, дорога до дома показалась Софии вечностью, и даже отснятые фотографии уникальных архитектурных элементов творения великого Гауди не смогли переключить ее воображение, заикнувшись на удивительном объекте в вагоне метро — на девушке с книгой Тейлор Дженкинс Рейд с символическим названием «*Maybe in another life*» («Возможно в другой жизни»), сюжет которой так и остался для Софии не известен. Еще несколько месяцев назад она подсмотрела это издание у белорусской теннисистки Арины Соболенко, когда первая ракетка мира делилась в социальных сетях фотографиями с отдыха, на одной из которых в руках спортсменки была запечатлена именно эта красочная обложка. Но тогда Соня, усомнившись в собственных знаниях английского языка, совершила большую ошибку, приобретя заинтересовавшее ее чтиво в отвратительном переводе, что и послужило причиной отправить его на дальнюю книжную полку, так и не узнав о том, что могло произойти в «другой жизни».

Снимая на ходу обувь, женщина почти вбежала в дом и, кинувшись к деревянному комоду оливкового цвета, несколько минут потрошила глубокие ящики, выкидывая их содержимое на ворсистый ковер. Наконец, достав огромную папку с фотографиями и крепко прижав ее к груди, она вышла на веранду, где осенний воздух тут же согрел замерзшие пальцы. Солнечные лучи, поблескивая и отражаясь в ярко-оранжевых плодах, словно вязаный плед, окутывали мягким теплом, и только немногочисленные разноцветные листья на газоне напоминали о наступившем октябре. С другой стороны террасы взору Софии открывался восхитительно яркий пейзаж, отображая насыщенное осеннее небо, вливающееся в морскую гладь, на фоне которого все еще зеленые деревья перешептывались с ветром, а апельсины манили густым ароматом, заставляя забыть и застыть в этом умиротворенном состоянии, пока настойчивая мелодия мобильного телефона не напомнила о реальном времени. Ответив на звонок, Соня бросила папку с фотографиями на стол, нарвала свежей мяты и, заварив фруктово-ягодный чай, отвлеклась на телефонный разговор и домашние дела. Лишь около полудня у хлопотливой хозяйки все же нашлось время, чтобы, уютно расположившись в уличном кресле, не спеша перебрать содержимое толстого фотоальбома. С трудом удерживая огромную лупу, она напоминала кинематографического следователя по особо важным делам, сосредоточенно рассматривающего цветные и черно-белые карточки, в надежде отыскать хоть малейшую зацепку в запутанном детективном расследовании. Внимательно сопоставляя подписанные имена и даты с изображением, словно составляя фоторобот подозреваемого, София вглядывалась в характерные черты лица... собственного лица, одновременно воспроизводя в памяти образ девушки из старого барселонского вагона. «Неужели бывает такое сходство?! — сокрушалась Соня вслух, — Почему я не догадалась незаметно сфотографировать ее?! Сколько ей лет? Как часто она бывает на этой станции?» — мысли одна за другой, как бегущая строка, перемещались по лабиринту взбудораженного сознания.

До позднего вечера София маялась подавленным настроением и изнуряющим беспокойством, нахлынувшими после утренней встречи, и непреодолимым, но запретным желанием поделиться с кем-либо из родственников собственными, казалось, неадекватными соображениями. Но где-то глубоко внутри, как блуждающий нерв, дергалась невидимая ниточка, убеждающая Соню не бросать это, на первый взгляд, безнадежное расследование.

Разыгравшееся воображение пропиталось воспоминаниями и матрицей событий, которые не ложились в нужном порядке, не давали подсказок или намеков, не помогали найти зацепку и возможную связь с девушкой, как две капли воды похожей на Софию. Сон в эту ночь был прерывистым и чутким, и тело дергалось в кошмарных сновидениях, как от ударов током, а голова тяжелым грузом перекладывалась из стороны в сторону, пытаясь хоть на несколько секунд отключить светящееся табло с бегущей строкой разноцветных мыслей.

Уже следующим утром невыспавшаяся женщина, поддавшись невероятно глупому порыву и впечатлительному восприятию, зачем-то снова неслась в центр Барселоны на станцию с романтическим названием «Fontana». Почти целый час София потратила на то, что впихивалась в переполненные людьми вагоны линии L3, отчаянно озираясь по сторонам и мысленно осуждая свой необдуманный поступок, с грустью осознавая, что шансы встретить «вчерашнюю книгу» равны нулю. И наконец вырвавшись на свежий воздух, разочарованная, она направилась к парку Гуэль, чтобы хоть как-то оправдать свою бессмысленную поездку, восполнив образовавшиеся эмоциональные провалы позитивными зрительными вибрациями и полезными для работы фотографиями. И уже на подходе к этому удивительному месту, где чувствовался дух великого творца, Соня почти забыла истинную причину своего пребывания в центре города, и атмосфера парка полностью завладела ее вниманием.

Создавалось впечатление, что знаменитый Антонио Гауди-и-Корнет создал все эти творения без каких-либо специальных расчетов, просто шутя и играя, нарисовав их «от руки», поскольку строения парка почти не имели углов и прямоугольных форм и выглядели сказочно. У входа посетителей встречали пряничные дома с удивительной архитектурной выдумкой — их вентиляционные трубы представляли собой два мухомора. За домиками пряталась лестница, которая вела в зал «ста колонн», на самом же деле колонн было всего восемьдесят шесть, но зато каких! Барселонцы часто использовали этот зал для концертов, в виду того, что здесь царила неповторимая акустика, хотя по задумке, в нем должен был размещаться рынок для местных жителей. Интересно, что в колоннах была уникально спрятана система водоснабжения города-сада, и, когда шел дождь, вода по специальным желобам внутри колонн стекала в бак, расположенный под землей. За залом находился театр в греческом стиле, где раньше проводились муниципальные собрания, а периметр театра украшала знаменитая извилистая скамейка, на которой туристы отдыхали, любовались местными пейзажами и, конечно же, фотографировались. Создавая эту каменную лавочку, Гауди принимал во внимание анатомические формы человека, а мозаику выкладывал из битой посуды и бутылок, которые по его приказу на место строительства приносили рабочие. От центральной площади парка в разные стороны расходились семь пешеходных аллей, которые из-за причудливых изогнутых форм еще называли «птичьими гнездами». София и сама не успела понять, каким образом пешеходные аллеи парка Гуэль растеребили в ней тоскливые воспоминания о незавершенном ландшафтном проекте парковой зоны загородной онкологической больницы. На мгновение закрыв отекавшие невыспавшиеся глаза, она будто снова очутилась на неухоженных тропинках среди усталых берез и серых безликих зданий. И только большая порция сладкого пломбира и еще одна сотня бесценных по своему содержанию снимков все же вернули дизайнеру позитивный настрой, в котором она и направилась на автобусную станцию.

Сегодня София с наслаждением наблюдала за бегущей пейзажной полосой за окном, вслушиваясь в мелодичные ритмы в наушниках, и, к тому времени, как автобус затормозил на ее остановке, окончательно стерла из памяти выдуманную историю о внешнем сходстве с девушкой из вагона метро.

Жизнь снова шла своим чередом, наполняя осеннюю пору повседневными обязанностями, заботами и радостными мелочами.

Глава 2

Прошло несколько недель, прежде чем София вновь качалась в такт старому поезду линии L3 барселонского метрополитена, безразлично разглядывая недовольных пассажиров, толкающихся у выхода, и брезгливо отдаляясь от прижимающихся, неприятно пахнущих, потных тел переполненного вагона, в который на очередной станции втолкнулось еще несколько человек, включая длинноволосую особу очень высокого роста. Когда состав, с трудом закрыв двери, все же тронулся, высокая девушка, в надежде отыскать хоть какую-то опору, повернулась лицом к Софии... Их взгляды встретились и вновь гипнотически задержались друг на друге до того момента, как толпа вынесла обеих из вагона и потащила в противоположные стороны.

— *Espera! Espera! Por favor!* — опомнившись, неприлично громко закричала Соня, стараясь привлечь к себе внимание и остановить поток, уносящий пронзительный взгляд высокой блондинки. — Да разойдитесь вы! — выругалась она уже немного тише и все же вырвалась из толпы. Другой девушке тоже удалось отстраниться от бушующей пассажирской лавины, и, прижавшись к колонне, она терпеливо ждала, пока Соня преодолет разделяющее их разноцветное течение. И когда обе наконец оказались на расстоянии вытянутой руки, губы незнакомки растянулись в невероятно добродушной улыбке, глаза волнительно заблестели, и она произнесла фразу, которая не позволила им в этот раз потеряться в суете испанского метрополитена.

— Вы говорите по-русски?

— Да! Естественно! В смысле могу... Умею...

Перевозбужденная, София несла какую-то околесицу, перекрикивая гул толпы и поездов, пока здравый смысл не вернулся в ее голову, подсказав покинуть шумную подземку и продолжить беседу на улице.

Буквально в двух минутах от все той же станции «Fontana» располагалась уютная кофейня с незамысловатым названием «ANTICO CAFFÈ», из открытой двери которой доносился приятный аромат выпечки и прохлады кондиционера. В этом уютном заведении можно было побаловать себя впечатляющим разнообразием кофейных напитков, фруктовыми, травяными и чайными сборами. А еще здесь подавали освежающий вегетарианский смузи, шоколадные пончики и хрустящие брускетты. Торопливые туристы заказывали напитки и еду с собой, а кто-то, наоборот, засиживался за чашечкой капучино, отдыхая и переводя дух перед новыми впечатлениями и длительными экскурсионными маршрутами.

Девушки уединились в самом отдаленном уголке и, заказав крепкий кофе, все еще продолжали любопытно разглядывать друг друга, не понимая, с чего начать этот волнительный разговор.

— Вас тоже удивило наше невероятное сходство и знание русского языка? — все-таки, собравшись с мыслями, произнесла София и представилась.

Длинноволосая девушка кивнула и протянула руку.

— Алекса, то есть Александра. Удивило?! Да я не спала несколько ночей после нашей первой встречи! Помните? На этой же станции, около трех недель назад, ранним утром...

— Конечно помню! Я даже вернулась на следующий день, — Соня развела руками, — Но Вы, вероятно, уже дочитали ту красочную книгу Тейлор Дженкинс Рейд...

Увлекательная беседа незаметно набирала обороты, провоцируя задавать все более смелые вопросы и, недоумевая, получать неожиданные ответы, но, к их общему сожалению, этот эмоциональный разговор прервал телефонный звонок, который заставил Алексу попрощаться на тревожном незавершенном моменте: «Мы обязательно должны еще раз встретиться! Обязательно! Слышишь!» — с этими словами Александра удалялась из кофейни, и было заметно, что она действительно очень спешила, а София с любопытством рассматривала исчезающий

силуэт: длинные ноги, светлые волосы, идеальная фигура, красивая грудь... Вот только рост немного выше, но глаза, брови и нос — такой же некрасивый огромный нос, который, казалось, существовал отдельно от молодого симпатичного лица. «Это ведь мое отражение из прошлого! Пятнадцать лет назад я выглядела именно так!»

Несмотря на переполненное заведение, после того как Александра покинула кафе, Соня почувствовала себя одиноко и растерянно и, сделав несколько глотков остывшего кофе, вдруг резко перевернула чашку, вылив остатки содержимого в белоснежное блюдце. Поймав на себе любопытные взгляды окружающих, она поспешила накрыть это безобразие толстой цветной салфеткой, чтобы и самой не подглядеть раньше времени, какой рисунок создает гуща, медленно растекаясь по глянцевой поверхности. Официант тоже с недоумением посмотрел на девушку, не позволившую убрать грязную посуду, и на всякий случай потребовал оплатить счет, вероятно, приняв Соню за не вполне адекватную личность. И лишь получив солидные чаевые, оставил ее наедине с таинственным художеством. Придвинув блюдце, София с замиранием сердца рассматривала картинку, так искусно созданную коричневой жижей. Она вертела тарелку, пытаясь уловить волнительные знаки... И вот — оно! Точнее он! Профиль, который она не спутала бы ни с кем другим: высокий лоб, достаточно крупный нос и очки — отец! Так явно он предстал в ее мыслях, именно со схожим выражением лица, и сейчас она отчетливо видела этот образ на белой керамике. Укорительный взгляд отца донесся до Софии горькими кофейными нотками и пронизывающим холодом, от которого по телу пробежали крупные мурашки.

Подобным безрассудным способом приоткрыть тайные завесы своего будущего Соня воспользовалась лишь однажды, будучи юной и наивной, когда они с подругой отдыхали на Черноморском побережье, в одном небольшом гостевом доме, расположенном всего в двух минутах от галечного Адлерского пляжа. На лице Софии снова появилась нежная улыбка, а внутри все успокоилось и согрелось, и даже мурашки спрятались от теплых воспоминаний о том далеком и безответственном августовском отпуске.

Двухэтажное современное строение, по периметру, ограждал высокий забор, плотно засаженный густорастущим диким виноградом, благодаря которому создавалось впечатление, что территорию окружает сплошная зеленая стена — это придавало свежести и прохлады летним вечерам. Небольшие, но уютные комнаты были обставлены светлой мебелью и укомплектованы кондиционерами, что для данного прибрежного частного сектора считалось невиданной роскошью. Во внутреннем дворе была оборудована общая кухня со всей необходимой утварью, где семейные отдыхающие, в тридцатиградусную жару, безостановочно что-то варили и жарили. Это обстоятельство крайне удивляло молодую Софию и ее подругу: «Они ведь приезжают отдыхать, а вынуждены дни напролет проводить на этой кухне! Им даже некогда дойти до пляжа!» — негодовали юные особы. Собственница мини гостиницы — пожилая армянка Наринэ каждый вечер собирала желающих во дворе за огромным деревянным столом под навесом и гадала на кофейной гуще. Ее приятный бархатистый голос так завораживающе звучал в плотном вечернем воздухе, что опьяненные ее тембром и домашним вином отдыхающие верили всему, о чем рассказывала кофейная чашка. Тетя Наринэ, всегда ухоженная, аккуратная и рассудительная, казалась самой прекрасной хозяйкой и собеседницей. У нее был темный загар, худощавые трудолюбивые руки и «сочинский» акцент. Многие постояльцы отдыхали здесь каждый год, приезжая на целый месяц и даже дольше, именно поэтому, наученные собственным опытом, они готовили на общественной кухне, а не питались в дорогих кафе или бюджетных, но некачественных столовых. Соня с подругой прилетели в Адлер впервые, а их поездка была совершенно спонтанной и необдуманной, ведь девчонки наивно убегали от случившихся проблем, разочарования, боли и собственной глупости, в надежде на то, что соленое море залижет их открытые незаживающие раны и смоем стыд легкомысленных поступков. Но и здесь — на теплом Черноморском побережье, они не стремились исправить свои ошибки.

Домашнее разбавленное вино лилось рекой, и под громкие танцевальные хиты в ночных кафе, в поисках искренней и взаимной любви, заводились новые безрассудные знакомства, совершались те же глупости. Утром холодной волной накатывало разочарование, опустошение и слезы похмелья, усугубленные сторевшей болезненной кожей на хрупких плечах. Семейные отдыхающие с сочувствием и снисходительностью наблюдали за девочками, не вмешиваясь в их бессмысленные страдания, лишь периодически подкармливая домашней кухней и поддерживая доброй беседой. За большим столом, в окружении незнакомых, но таких отзывчивых и добродушных людей, Соня чувствовала себя счастливой, ведь здесь она могла позволить себе быть той, кем являлась на самом деле, не стесняясь своего не столь широкого кругозора или осведомленности, не комплексуя из-за внешности — огромного носа и неровных зубов, не пряча свои эмоции и желания. Здесь не чувствовалась необходимость соответствовать каким-либо критериям, и не нужно было заслуживать чью-то любовь, внимание и доверие. В этом небольшом пространстве, окруженном зеленой стеной, все само собой складывалось по-доброму, искренне, понятно и просто. Теплые загорелые руки тети Наринэ нежно гладили бестолковые юные головы, успокаивая, терпеливо выслушивая и молясь за их нежные запутавшиеся души.

Сфотографировав рисунок на блюде, София вышла из кофейни на жаркую, заполненную людьми улицу. Конечно, ей не терпелось с кем-то поделиться, рассказать об этой удивительной встрече, о своих догадках и предположениях, и она даже достала телефон, подбирая слова, с которых стоило начать свой интригующий рассказ, но представив возможную реакцию близких на столь неправдоподобную ситуацию, девушка все же передумала посвящать кого-либо в эту неразгаданную историю. У родных и так было множество причин для переживаний за ее нестабильное эмоциональное состояние. «Я распутаю этот клубок сама! Только бы мне хватило терпения, чтобы не проговориться и не привлечь к себе лишнее внимание!» — с таким оптимистичным настроением Соня направилась в сторону дома, как всегда, на пригородном автобусе, который медленно полз в многокилометровой пробке, давая время и возможность еще раз подумать о случившемся. Сейчас от Сони почти ничего не зависело, поскольку в данной ситуации ей выпала роль ожидающей, и только новая встреча с Александрой приблизит ее к истине, а пока она будет рассматривать фотографии и выдумывать то, чего, может, никогда и не было. Сохранив новый номер в телефоне, София максимально увеличила кружочек с изображением Алексы, стараясь разглядеть еще какие-то важные мелочи и искренне надеясь, что этот контакт очень скоро даст о себе знать.

Устав от спертого воздуха в салоне автобуса, София вышла чуть раньше своей остановки, позволив себе опустить разгоряченные ступни в нежный шелк белоснежного песчаного ковра, ведь пляж Кастельдефельс по праву считался одним из лучших в Барселоне и окрестностях. И всего в двухстах метрах от него, в изумительном идеальном месте, скромно прятался в тени citrusовых деревьев частный дом Софии. В пяти минутах находилась автобусная станция, рядом — железнодорожный вокзал, а до аэропорта вполне реально было домчаться за несколько минут, поскольку он и вовсе располагался в пятнадцати километрах. В пешей доступности возможно было выбрать рестораны, кафе и магазины на любой вкус и кошелек, но при этом не исчезало ощущение уединенности, комфорта и спокойствия. Не так давно на этом самом месте покрывалась паутиной старая рыбацкая хижина с запущенным засохшим садом, обвалившимися ступенями и покосившимся забором, но даже в таком состоянии София смогла разглядеть и влюбиться в это райское место. Конечно, ей пришлось затратить неисчислимое количество сил, средств, любви и неиссякаемого желания, чтобы сегодня это «убогое жилище» вызывало восхищение и даже зависть окружающих. Больше всего Соня гордилась возрожденным апельсиновым садом, который раскинулся от ступеней деревянной веранды, казалось, до самой линии горизонта, где яркий оранжевый цвет постепенно тускнел, позволяя накрывать себя лазурным волнам и сверкающим лучам. София вложила в него всю душу,

искренне полюбив эти больные умирающие деревья, которые, вероятно, ждали именно ее и молили о помощи. Бережно и скрупулёзно она выхаживала каждое деревце, берегла каждую высохшую веточку, и спасенные растения отплатили ей благодарностью. На сегодняшний день такого цветущего, плодоносного и ароматного сада не наблюдалось ни у кого в округе. Местные торговцы с удовольствием выкупали у хозяйки оранжевые сладкие плоды, а некоторые экскурсоводы даже привозили туристов к возрожденной апельсиновой «достопримечательности».

Спустя несколько дней, именно за работой в саду, Соню застал телефонный звонок, но, увлеченная подкормкой деревьев, она не сразу услышала настойчивую мелодию.

— Алло! Слушаю! — громко крикнула она, придерживая телефон ухом и снимая грязные перчатки. — Говорите!

— Привет! Это Алекса... Тебе удобно сейчас разговаривать или ты занята? — послышался неуверенный голос.

— Нет! Нет! Я совсем не занята, — волнуясь, залепетала Соня, бросив в траву алюминиевые тазы и емкости с удобрениями, — Я ждала твоего звонка!

— У меня сегодня появилось свободное время, а еще я нашла некоторые фотографии, но мне хотелось бы показать их тебе лично.

София вытерла пот со лба и плюхнулась на ротанговое уличное кресло, заметно нервничая из-за предстоящей встречи.

В пиццерии «Quedamos» было ожидаемо многолюдно, ведь это заведение пользовалось популярностью как у местных жителей, так и туристов, в связи с тем, что располагалось всего в нескольких минутах от большого торгового центра «Anec Blau» и самой главной достопримечательности, которая и подарила название этому городу — Кастельдельфельс, что в переводе означало «замок верных». Величественная крепость стояла на самом высоком холме, открывая потрясающие панорамные виды на окрестности Каталонии.

Александра, спрятавшись в тени густой кроны на открытой веранде пиццерии, с нетерпением ждала свою новую знакомую. София же подгоняла опаздывающий автобус, мысленно ругая себя за столь длительные сборы и нервно сжимая в кармане маленький плотный конверт с черно-белым снимком отца.

Суэта шумного ресторана не соответствовала намеченному разговору и важным откровениям, и девушки, взяв напитки с собой, направились в сторону парка «Parc del Castell». Беседа не клеилась, и обе, испытывая неприятные вибрации замешательства и волнения перед неизвестностью и возможными обнародованными фактами, наиграно старались увести дискуссию от главной темы, ради которой они, собственно, и встретились.

— Я привезла фотографию, — наконец, почти шепотом, произнесла Александра, устроившись на лавочке и расстегивая красивый джинсовый рюкзак. И потеряв голос от окатившего ее мандража, Соня замерла в ожидании, словно Алекса собиралась достать бомбу из своей темно-синей сумки, хотя в каком-то смысле, для обеих, эта информация действительно была взрывной. Шершавый конверт песочного цвета приковал их взгляды, и костяшки на руке Александры заметно побелели, когда трясущиеся пальцы Софии, в этот же момент, достали из кармана заметно измятую белую бумагу. За несколько секунд двум светловолосым девушкам пришлось испытать чрезвычайно смешанный спектр чувств и таких же спутанных эмоций. Любопытство провоцировало ощущение необъяснимого гнева и желание разорвать эти конверты, но доминирующий страх перед открывающимися обстоятельствами заставлял молча гипнотизировать плотную бумагу.

— Мне страшно! — обессилив от этой эмоциональной пытки, произнесла Александра и виновато опустила глаза.

— И мне! — так же измученно кивнула Соня. — Может, не будем торопиться?! Давай откроем их потом, когда разойдемся по домам! Так будет спокойнее и проще справиться с возможным замешательством. Если на этих фотографиях окажется один и тот же человек, то каж-

дая из нас самостоятельно примет решение... То есть я хочу сказать, что если ты не захочешь со мной общаться или наоборот... Мы просто напишем друг другу сообщение и постараемся забыть об этой встрече. Думаю, что на расстоянии, без ощущения давления и скованности, сделать это будет гораздо легче. Ну а в том случае, если снимки окажутся разными, то вообще не будет никаких проблем, и мы просто посмеемся над этой забавной историей, которую потом будем пересказывать друзьям и знакомым. А сейчас можем прогуляться и чуть ближе познакомиться. Предлагаю подняться на панорамную площадку! Ты была хоть раз на этой башне?

Глаза Алексы даже засветились от такого разумного предложения Софии и от исчезнувшей необходимости сиюминутно обнародовать эту обременительную тревожную истину.

Два очень похожих человека, с разницей только в росте и возрасте, уверенно и легко зашагали в сторону крепости, словно освободившись от тяжелого груза, который последние несколько дней давил на их хрупкие плечи. Изматывающая неопределенность и беспокойство, влекущие скованность и стеснение, наконец сменились непринужденным общением с доверительными нотками. Малоизвестные девушки нашли миллион тем для обсуждения и столько же поводов для искреннего веселья, радуясь и впечатляясь увиденному во время длительной прогулки, но теплый октябрьский день близился к своему завершению, вынуждая попрощаться, не зная, случится ли их следующая встреча.

Глава 3

Песочный конверт лежал все на том же комодике оливкового цвета, заставляя Соню хаотично перемещаться по комнате, нервно теребя в руках резинку с гладкими бусинами, наминавшими четки. Она передвигала шарики между пальцев, стараясь немного успокоить себя этими движениями, но внутри уже назревала буря. Нет, Софию не тревожил тот факт, что Александра, возможно, являлась ее сводной сестрой, она снова боялась внутреннего осуждения, представляя, какой гнев вызвал бы ее поступок, ее беспардонное любопытство, с которым она нагло и бесцеремонно влезла в ЕГО тайну. «Может, просто выбросить шершавый конверт, удалить номер Алексы и стереть из памяти тягостную информацию?! — перебирала она варианты. — А может, отец просто не успел рассказать мне об этом, но хотел, чтобы мы встретились. Может он желал унести этот секрет в могилу, а я, как всегда, все испортила, оказавшись в ненужное время в неправильном месте... Может... Может... Может!» Соня была близка к истерике, когда схватила плотный конверт и отчаянным рывком достала фотографию. Этого снимка София не видела раньше... Он улыбался, и пронзительно голубые глаза были наполнены доброй печалью, но не холодом... Нет! Так отец не смотрел на нее никогда! Но сейчас от этого взгляда на глянцевого снимка веяло сожалением и нежностью, как будто он говорил ей: «Прости, что так вышло...» По щекам маленькой девочки, заключенной во взрослое изуродованное тело, вновь бежали горячие ручьи обиды, оставляя темные круги на песочном конверте.

Уснуть в эту ночь ей не удалось, ведь горечь воспоминаний, злость на саму себя, недопонимание и даже зависть снова поселились в беспокойной душе Софии, заставив встречать прохладное раннее утро на пляже, укутавшись в махровый плед и прячась от неприятного ветра, приносившего соленые капли и мелкий песок. Ее бессонную голову вновь не покидали тревожные мысли и сомнения — один и тот же человек изображен на снимках, или этих мужчин объединяет только внешнее сходство? На фотографии Алексы черты отца казались мягкими, улыбка — ласковой, а взгляд — заботливым и любящим, но со всех хранившихся у Софии карточек смотрел холодный и безразличный человек.

Терзая свое сознание, Соня представляла, как отец держал на руках маленькую Алексу, искренне радуясь ее появлению, как вел ее в детский сад, как играл с ней и смеялся, как целовал ее нежные щеки и гладил своей большой ладонью по светлым волосам любимой дочери. «Все дело в его отношении! В чувствах!» — снова заплакала во весь голос Соня, пользуясь тем, что кроме темно-синей волны ее никто не услышит, поскольку в столь ранний час бескрайняя песчаная полоса была пустынна и пасмурна.

Только когда на пляже стали появляться первые отдыхающие, женщина побрела в сторону дома, таща за собой грязный плед и старые текстильные кеды, безуспешно смахивая прилипшие к заплаканному соленому лицу мелкие песчинки.

После горячего душа и безвкусного завтрака Соня забралась под теплое одеяло, наглухо закрыла плотные жалюзи, создав иллюзию ночи и, вдоволь наревевшись, наконец крепко заснула. И лишь к обеду ее разбудил несвоевременный телефонный звонок, ответив на который, она уже собиралась снова спрятаться в своей темной берлоге, когда на экране отобразилось сообщение от контакта, звонка которого, еще несколько дней назад, София ждала с нетерпением, но не сегодня...

Гнев — самая взрывоопасная эмоция, и в сложившихся условиях разбитое сердце не в силах было его игнорировать, желая избавиться от ненавистного послания и всех событий, связанных с похожей на нее девушкой Александрой, но дрожащие пальцы предательски нажали на значок с маленьким конвертом, обнажив его содержимое: *«Соня! Я должна сказать тебе, что у меня прекрасный отец! Любящий, заботливый, участвующий в каждой минуте моей судьбы — это муж моей мамы, а человек на фотографии... Я не знаю его... Точнее сказать не*

знаю какой он был, ведь видела его всего лишь дважды. Первое сентября — несколько неловких минут он держал меня за руку, провожая в первый класс и даже не представляя, что следующая наша встреча случится только накануне его смерти, когда впервые за долгие годы он позвонил и пригласил в свою маленькую квартиру в старой пятиэтажке. Мы говорили... О его родителях, родственниках и их судьбах, но ни слова обо мне. Но я ждала других эмоций и так хотела услышать слова сожаления, увидеть в его глазах гордость за мои успехи, к которым он не имел ни малейшего отношения, почувствовать хоть что-то, кричащее о том, что я его дочь! Мы были слишком чужие... Лишь после его смерти я вдруг осознала, что он просто не смог, но хотел... Хотел переступить через гордыню, признать свои ошибки, возможно даже обнять... Иначе не позвал бы меня спустя столько лет. А я не поняла его порыв, не помогла раскрыться, не узнала истинных причин его одиночества, позволив завладеть моим сердцем такой же бесчувственной гордыне. Коварная обида и горький вкус несправедливости закрыли на замок отзывчивую сторону моей души. Теперь больше нет человека с фотографии, но боль и чувство вины не отпускают меня со дня его смерти. Пожалуйста! Расскажи мне свою историю с отцом и, возможно, узнав его немного больше, я смогу простить нас обоих».

Соня плакала... Беззвучно и страшно, ощущая раскаленные тиски, сжимающие ее внутренности, освобождая место для зверского чувства сожаления и негодования от того, что уже ничего нельзя исправить! Осталась только холодная гранитная плита, очки с треснувшим стеклом, старый клен у кирпичной пятиэтажки и горькие воспоминания...

Долгие годы коварный лабиринт судьбы рисовал траекторию двух дорог, отметив их точку пересечения на станции барселонского метро «Fontana», несмотря на то что сестры много лет прожили всего в нескольких автобусных остановках друг от друга и, скорее всего, ни единожды качались в одном вагоне Московского метрополитена, но их взгляды встретились только сейчас, когда ушел из жизни человек с фотографии, и настало время откровений. Именно здесь теплый октябрьский ветер Кастельдефельса развеет отголоски необоснованной ревности, недосказанности и недопонимания, а ласковая волна Средиземного моря залижет каждую молекулу боли, охлаждая жгучие девичьи слезы.

Выбравшись из темной берлоги и умыв разгоряченное лицо ледяной водой, София в ответном сообщении указала свой адрес, дополнив его лишь одной короткой фразой: «Я жду тебя в любое время».

Ждать пришлось не долго и уже к вечеру следующего дня, теперь уже не просто похожие девушки, а сводные сестры, договорились о встрече, исход которой невозможно было предугадать, ведь обе настроились на решительный и откровенный разговор. Им больше нечего было скрывать, в чем-либо сомневаться и бояться осуждения и возможного гнева человека с фотографии.

Нервно обдирая тонкую кожу на пальцах, Алекса наблюдала за бегущей полосой и названием остановок, пока пыльный маршрут с номером AMB L95 медленно приближал ее к волнительной беседе. София же беспокойно расхаживала по периметру автобусной станции, глядя в лица высаживающихся пассажиров, пока наконец не увидела знакомый силуэт.

Апельсиновый сад встретил сестер ненавязчивым ароматом, а прохлада осеннего вечера гостеприимно проводила их в дом, позволив уютно расположиться в комнате, где за стеклянными дверцами шкафов хранились медали, значки и фотографии — все то, с чего могла бы начаться длинная история, повествующая о том, как две девушки, рожденные от одного человека и долгие годы не подозревавшие друг о друге, чуть меньше месяца назад встретились в вагоне барселонского метро...

Глава 4

В который раз София отключала назойливый будильник, переводя его еще на несколько спасительных минут, но мелодия снова звучала так нестерпимо резко, что девушка прятала голову под подушку, испытывая чувство страха и накатывающей тошноты. Очередная бессонная тревожная ночь беспощадно добивала ее ослабленный организм, отбирая последние силы. И все же с трудом добравшись до кухни и налив огромную кружку растворимого кофе, Соня бессмысленно и отрешенно уставилась в пыльное окно, ощущая болезненные толчки тревоги и невыносимую ломку от отвращения к собственной персоне. Лишь розовая полоса на светлеющем небе дарила мизерную надежду на то, что этот день не станет последним. Не ведая об этих страданиях и горечи, город легко просыпался в предвкушении жаркого летнего дня, наполняя его сочной зеленью, яркой одеждой горожан и палящим оранжевым солнцем — ничего в этом новом дне не соответствовало состоянию Софии, кроме душного и тяжелого воздуха. Допив остывший кофе, она достала упаковку антидепрессантов и, пересчитав количество таблеток в блистере, с яростью бросила их на стол: «Нет, не сейчас! Я справлюсь!» — сдавленным горлом закричала Соня и, не сумев сдержать истерику, разревелась во весь голос. Так начинался и заканчивался каждый ее день — глубокое одиночество, боль и неуправляемые панические волны, совершенно незаметные для окружающих, поскольку она давно научилась маскировать изнуряющее плачевное состояние, прикладывая титанические усилия для того, чтобы хоть на мгновение приглушить мысли, бушующие в голове и провоцирующие симптомы в теле: головокружение, тошноту, слабость и раздражающее сердцебиение, когда каждый вдох казался последним, а выдох срывался на истерику. Сегодняшнее утро не стало исключением, и только горячий душ помог ей справиться с надрывным плачем, спрятав в потоке горькие слезы и успокоив мягкими струями дергающееся от тревоги тело. Закрыв кран с обжигающим напором, Соня взглянула в запотевшее зеркало, отражающее ее изуродованное тело и такую же истерзанную душу, которые она привычно прятала под длинным летнем платьем. Влажные волосы затянулись в красивый высокий хвост, а худощавые руки украсил белоснежный жемчужный браслет и элегантные часы. Утонченный измученный образ дополнила нежная туалетная вода, плотная медицинская маска и, конечно же, скрытые под солнечными очками, заплаканные и отекавшие глаза.

Около половины шестого утра, тяжело волоча объемный рюкзак, заполненный термосами с едой, фруктами и предметами гигиены, молодая женщина вышла из дома и уже через двадцать минут подъезжала к кирпичной пятиэтажке на окраине города, проезды вокруг которой были катастрофически узкими и заставлены припаркованными автомобилями, а густые кроны деревьев практически полностью закрывали обзор. Несмотря на то, что высоченные новостройки и шумное шоссе находились всего в нескольких минутах от этого здания, здесь — во дворах, было тихо и зелено, как за городом. Именно у этого старого дома образовался такой уютный оазис свежести и уединения, где над крохотным балконом склонялась сочная листва, слышалось сладкое пение птиц и голоса подвыпивших соседей, эмоционально спорящих о чем-то у подъезда.

На окаменевшем от волнения лице крупными каплями проступил холодный пот, и, ощутив сбившийся ритм сердца, руки предательски задрожали, вцепившись в руль. С каждой секундой, приближающей автомобиль Софии к нужному подъезду, в груди нарастала зловещая паника, а перед глазами вырисовывались страшные картины и тревожные предположения о смерти, о том, что она не успеет его спасти, не справится, не сможет... От этих мыслей голова резко закружилась, а дыхание застряло где-то в животе, не давая возможности получить спасительный кислород, но Соня уверенно вела машину даже в таком состоянии и, повернув на обездненную дворовую дорожку, с облегчением выдохнула застрявший воздух: «Нет! Не умер!»

— прошептала она сама себе. Ее взору открылся небольшой сквер, где на деревянной лавочке, заметно дрожа и низко опустив тяжелую голову, сидел исхудавший силуэт. Размашистый клен возле скамейки скрывал ранние лучи солнца, от чего этот печальный этюд становился еще более безнадежным, а знойное утро казалось невероятно тоскливым, холодным и пасмурным. Он ждал, как всегда, заранее выйдя из дома и не позволив себе быть непунктуальным даже сейчас. Пошатываясь, тяжело дыша и крепко прижимая потрепанный пакет с медицинскими документами, он с трудом устроился в автомобиле и прохрипел скудное приветствие. Всматриваясь в измученное болью и страданиями лицо, София задержала свой взгляд на пронзительно прозрачных голубых глазах, которые шурились от солнца сквозь старые позолоченные очки с треснувшим стеклом, и увиденное остро кольнуло сердце ядовитой иголкой, горечью отозвавшись где-то глубоко в груди.

— Я привезла тебе новые вещи, потому что эти джинсы стали совсем велики... И ботинки на шнурках... Неудобно же... И жарко... — настойчиво произнесла София и, достав из коробки новенькие светло-серые текстильные кроссовки, помогла отцу переобуться.

— Угадала с размером? Как тебе? Комфортно? — залепетала она, переживая, что не угодила.

На мгновение в зрачках отца пробежала довольная искорка, и он ласково улыбнулся.

— Отлично! Очень удобно! И размер точно мой, — он потопал ногами, а потом с грустью взглянул на свою старую, но идеально сохранившуюся обувь, — А куда ботинки? Они же совсем как новые!

— Осенью будешь носить! — очень уверенно сказала Соня так, что оба искренне в это поверили, ведь до осени оставалось немного — всего каких-то два месяца.

Приподнятое настроение быстро сменилось жалящими болями и резким ознобом, и София протянула отцу плед, наглухо закрыв все окна и сильнее надавив на педаль газа. Стараясь разрядить невыносимо болезненную атмосферу, она тихо пересказывала услышанные позитивные новости, периодически поглядывая на голубые молчаливые глаза, наполненные безысходностью и страхом.

Уже в больничном холле Соня, как фокусник, доставала из своего огромного рюкзака термосы, фрукты, конфеты и бутерброды — все, что могло хоть немного понравиться отцу и на мгновение сделать его чуточку счастливее и физически сильнее. Она билась за каждую съеденную им ложку каши и за небольшой глоток сладкого чая, поскольку сейчас эти банальные вещи могли подарить еще один день жизни! И лишь убедившись, что может ненадолго оставить отца одного, Соня помчалась оформлять недостающие документы. Она быстро шагала по мрачному узкому коридору, путаясь в длинном подоле летнего платья и стараясь избегать взглядов людей, сидящих на жестких банкетках по обе стороны этого кафельного пространства, ведь София так искренне разделяла их чувства: боль, отчаяние, дикий страх смерти и слезы бессилия перед этой коварной болезнью; смирение, безразличие и пустоту в глазах тех, кто уже «умер» — не смог, не вынес, не справился и сдался, и лишь страдающее тело все еще терпит терзания, уколы и капельницы. Мысленно все задают один и тот же вопрос: «За что?» За что им дана эта боль физическая и душевная — боль, которую не описать словами, боль сожаления о том, чего не случилось, боль от разочарования в собственных амбициях и поступках. Этот длинный больничный коридор, как владение смерти, где она вальяжно бродит, вглядываясь в глаза каждого, хладнокровно решая его судьбу. Кого-то из этих страдальцев она заберет сегодня, кому-то — пренебрежительно бросит надежду, а кого-то и вовсе обделит своим вниманием, безразлично пройдя мимо и подарив тем самым долгожданное исцеление. София все еще верила, что у ее отца есть, пусть даже мизерный, но все же шанс на выздоровление, но пока она металась по процедурным кабинетам, смерть слишком пристально смотрела в его голубые глаза сквозь линзы с треснувшим стеклом, а он опускал голову все ниже и ниже, стараясь избежать ее выразительного наглого взора.

Когда Соня вернулась в холл, то застала отца в жуткой болезненной позе, с трудом удерживающего свою тяжелую голову. Присев рядом, она взяла его за руку, но он даже не повернулся, а лишь на мгновение приподнял отекавшие веки, обнажив страдание, растерянность и мольбу о помощи, и крепко обхватил ее ладонь. Так искренне он сжимал руку дочери впервые, отчаянно осознав, что только ее хрупкие пальцы держат его на этом свете. Напуганный суровым взглядом смерти, отец надеялся, что эта обессиленная родная девочка сможет защитить его. И София сражалась изо всех сил за каждую минуту его жизни, за каждое сказанное слово, за каждое прикосновение шершавой руки и теплое дыхание, но и ей было жутко... Ведь за долгие годы Соня привыкла видеть в глазах отца строгость, претензию, укор, безразличие, злость, разочарование — все что угодно, но только не страх. Осторожно поглаживая ледяную ладонь и старательно уговаривая отца сделать еще несколько глотков чая, она снова и снова перебирала в мыслях возможные варианты его спасения, но все тропинки надежды вели в тупик.

На табло загорелись долгожданные цифры, и Соня, проводив отца в процедурный кабинет, почти бежала по лестнице, чтобы покинуть это ненавистное пространство. На улице ей стало немного легче, хотя и здесь воздух не был свежим и приносил запахи лекарств и мертвых тел — именно такие ассоциации пробежали в голове у Софии, когда она присела в тени на облупившуюся пустую клумбу. Глоток воды комом встал в горле, а цветущие деревья рябили в глазах, смешиваясь с силуэтами в белых халатах. Казалось, что все желания и чувства перестали соответствовать своим определениям, и лишь неприятные ощущения и восприимчивость, наоборот, обострились до максимума возможных значений. Соня мечтала о том, чтобы эти страдания навсегда закончились, но завершить отмеренный мучительный период могла только смерть, ведь лишь она знала, что придется испытать им в этот короткий отрезок времени, наполненный истошными криками души и физической болью, но все же сблизивший отца и дочь. Только ей одной было известно то, о чем успеют рассказать они друг другу и захотят ли поделиться скрытыми переживаниями. Будут ли сожалеть и будут ли откровенны...

В груди стало так больно, что София с трудом смогла подняться с облупившейся клумбы, но все же медленно направилась в сторону церкви, расположенной на территории больницы, и, задыхаясь, шагнула в прохладное помещение. Казалось, единственное, что держало ее на плаву была ее вера, и прижавшись лбом к стеклу иконы, смотря на успокаивающее пламя тонкой свечи, Соня молилась, умоляя о помощи и прощении. Несколько спокойных минут бездушно прервал вибрирующий телефонный сигнал, заставив Софию вздрогнуть и, включив резервный режим, помчаться к процедурному кабинету. Сердце выдавало двести ударов в секунду и добивало экстрасистолами, а в голове бежали мысли одна за другой: «Как он перенес капельницу? А вдруг он умрет по дороге домой? А вдруг она не справится? А вдруг... А вдруг!» К ее огромному удивлению, отец уверенно и вполне бодро вышел из кабинета, а его взгляд словно ожил, позволив подняться тяжелой голове и отобразить на лице еле заметную улыбку. Еще чуть больше часа назад он лежал на каталке, с трудом дыша и закатывая тяжелые веки, а сейчас шел своими ногами к машине, заинтересованно поддерживая беседу. Ощувив прилив неизмеримой благодарности, проходя мимо церкви, София перекрестилась и низко наклонила голову к земле.

Навигатор обозначил маршрут до старой пятиэтажки и выдал приблизительное время пути — два часа. И, не успев застегнуть ремень безопасности, отец начал неожиданный разговор, эмоционально жестикулируя и спеша произнести каждое слово... Как будто в процедурном кабинете кто-то намекнул ему о том, что у него остались только эти короткие два часа, чтобы успеть рассказать Софии все то, о чем он молчал долгие годы. Лишь два часа, чтобы быть искренним и честным. Два часа, как целая пропущенная жизнь. И только в эти два часа между ними не будет претензий, обиды и фальши.

Впервые, в скоростном потоке машин, в пекле плавящегося асфальта, в мучительно долгой, но одновременно невыносимо короткой дороге, между отцом и дочерью рухнула стена,

возводимая с обеих сторон на протяжении всех этих лет. Стена высотой в жизнь, через которую София не могла достучаться, о которую отбила всю душу и исцарапала свое сердце, и только сейчас, оставшись один на один со страшной бедой и настойчивым взглядом смерти, отец разобрал часть этой неприступной крепости, позволив обнажить свои страхи и откровения. Отковыривать каждый кирпичик было мучительно и страшно, ведь он отдирался вместе с кожей, оставляя кровоточащие раны. Отец не мог, не хотел, не знал, не нуждался! Но судьба заставила, нашла те обстоятельства и подвела его к ним, зажав в тиски и вынудив наконец сблизиться двух родных по крови, но таких далеких людей, оставив за собой право наблюдать свысока за проявлением скрытых по другую сторону стены чувств, за предпринятыми у края пропасти действиями, за способностью протянуть спасительную ладонь, не захлебнувшись в трясине высокомерия, недопонимая и отчужденности. Они обвиняли друг друга на протяжении всей жизни, и у каждого была своя правда, свои поводы, свои аргументы и своя огромная боль в сердце. Отец не отступал от надуманных принципов, не умирал амбиции и норы, а София копила горькую обиду в сердце. Но эти два часа — их последний шанс, и если не сейчас, то уже никогда!

В сумбурной волнительной беседе они хватались за любую тему, лишь бы успеть наконец узнать друг друга, поделиться самым сокровенным, простить и рассказать... О маме и о том, что стало крепким непробиваемым фундаментом этой стены высотой в многолетнюю историю.

Глава 5

София подлила горячего чая и, смочив пересохшее от долгого рассказа горло, замолчала, устало вглядываясь в темный проем, где завывал ночной ветер, нагоняя тучи и соленую влагу. Несмотря на то, что сестры только приблизились к первой главе тяжёлого повествования, насыщенный горечью грядущих событий воздух заставил их взять паузу и выйти в апельсиновый сад. Соне только казалось, что она давно преодолела эту историю, победила жгучие эмоции и страдания, но в действительности каждое слово выговаривалось с трудом, вызывая острую боль, как при ангине. Лишь холодный аромат цитрусов, мяты и моря, подобно местной анестезии, способен был «обезболить» отекавшее горло. В сознании бушевало противостояние сомнений и желания быть предельно откровенной в этой ночной беседе, и словно почувствовав его, перекатывая в ладонях крупный оранжевый плод, Алекса неуверенно подбирала слова.

— То, чем он поделился с тобой... Это тайна? Или я могу узнать об этом?

— Тайна?! Нет! Совсем нет! Просто его рассказ был настолько сумбурным, ведь сложно описать за два часа целую жизнь. Многое мне пришлось домыслить, догадаться и прочувствовать самой, чтобы нарисовать в своем воображении историю моего появления...

Сестрам сложно было представить, что их отец в молодости был задорным и не отличался прилежностью ни в поведении, ни в учебе, зато уверенно брал гитарные аккорды, играл в одной хоккейной команде с Валерием Харламовым и пользовался невероятным успехом у противоположного пола. Даже самая прилежная и ответственная студентка не смогла устоять перед его харизмой и уверенностью, несмотря на то что уже заканчивала с отличием четвертый курс, в то время как юный покоритель сердец с трудом был зачислен на первый год обучения. Казалось, София влюбилась в него с первого взгляда — да, Соню назвали таким же именем, как и ее маму, и этому предшествовала очень трогательная и одновременно трагичная история...

София была необычайно миниатюрна — ее рост не превышал ста пятидесяти сантиметров, а искренняя улыбка и жизнерадостность и вовсе не соответствовали статусу старшекурсницы, поэтому в институтских мероприятиях ее часто зачисляли в отряды новичков, а то и вовсе принимали за абитуриентку.

Тем летом молодёжно-студенческий отряд Московского института инженеров транспорта ответственно трудился на клубничных плантациях колхоза-миллионера «Борец» в Раменском районе Подмосковья, где царила ароматная и опьяняющая атмосфера. Знойные рабочие часы дарили темный загар и вкус сладкой ягоды, а прохлада подмосковных вечеров наполнялась стремительным общением и терпким вином. Отец заметил ее сразу: светлый сарафан на тонких бретелях, густые короткие волосы и звонкий искренний смех, игриво летящий над длинными клубничными грядками. Она никогда не надевала панаму или платок, доверчиво подставляя свое лицо и плечи горячим июньским лучам, и они превращали ее кожу в бронзовый шелк, к которому так хотелось прикоснуться, вдыхая аромат свежей клубники, нежности и теплого ветра. Для Софии здесь все было привычно и знакомо, поскольку она родилась и выросла в этих местах. Ее деревня находилась всего в нескольких километрах от колхоза, и она с удовольствием принимала участие в студенческих программах каждый год, а вот отец приехал на трудовые сборы впервые, поддавшись уговорам старшего брата.

— Ты не знаешь на каком факультете учиться эта девушка? — поинтересовался он у родственника, указав на стройную особу, выпускающую тонкую струйку дыма и кокетливо поправляющую свои густые русые волосы. — Я не видел ее среди наших первокурсников.

Брат искренне рассмеялся.

— Первокурсников?! Да она в следующем году получит диплом! — и уже более спокойным тоном продолжил. — Это моя одноклассница Соня — наша лучшая студентка и душа института. Пойдем познакомлю!

Отец немного занервничал, поправляя ворот рубашки и растрепанные волосы, но от возможности познакомиться с Софией не отказался, а уверенно зашагал за старшим братом в сторону компании, в которой Соня явно пользовалась успехом у молодых людей.

Тот вечер был прекрасен... В ее глазах отражались яркие искры костра, и стаканы со сладким портвейном то и дело звенели в ночной тишине студенческой турбазы, даря расслабленность телу и стирая скованность общения между едва знакомыми людьми. И когда июньское солнце стыдливо намекало на новый начавшийся день, София уже не представляла, как жила без него все эти годы, как обходилась без столь ласковых объятий и магического ощущения, что на все происходящее они смотрят через один и тот же взгляд. А отец был горд собой и безумно счастлив от того, что такая очаровательная, целеустремленная девушка обратила внимание именно на него, несмотря на разницу в возрасте и другие обстоятельства, игравшие явно не в его пользу. Из трудового лагеря они уезжали вместе, вдоволь насладившись ароматной клубникой, выпив безмерное количество вина и терпкого портвейна, крепко держа за руки и обретя искренние чувства и взаимную привязанность. Их волшебная гармония удивляла и даже восхищала окружающих, а амбициозная целеустремленность, приносящая им обоим небывалые результаты и вовсе вызывала зависть. Только внешне эта пара казалась неподходящей — из-за очень заметной разницы в росте, но во всем остальном этот союз был единым целым организмом. Они путешествовали, ходили в гости, развивались, стремились и беззаветно любили... Под звук гитарных струн в плацкартных вагонах, под веселый смех новогодних институтских капустников, под звук дождя в деревенском доме, под шелест летней листвы в городском саду и под нежное мурлыканье пушистого кота в их маленькой московской квартире. В торжественный день их бракосочетания желающих поздравить молодых оказалось столько, что даже площадь перед Бабушкинским ЗАГСом с трудом смогла вместить всех прибывших. Конечно же, сама свадьба была скромной, но счастье на лицах молодых перекрывало все возможные сомнения и трудности этого брака.

Алекса перекладывала черно-белые снимки, с которых широко и открыто улыбались отец и мама Сони, отметив, что женщина рядом с отцом действительно была похожа на Дюймовочку, и даже в туфлях на высоком каблуке она еле дотягивалась до груди будущего супруга, осторожно надевая обручальное кольцо на его крепкую руку.

Достав еще с десятков фотографий, где было запечатлено совместное путешествие родителей в Ялту, семейное фото с котом, несколько карточек с родственниками и друзьями, София, как будто оправдываясь, прохрипела осипшим голосом: «Это все, что у меня сохранилось, — и неприлично зевая добавила, — Ты, наверное, тоже безмерно устала. Нам стоит немного вздремнуть, а завтра, я обещаю, что продолжу свой рассказ!»

Александра кивнула в знак согласия, хотя ей не терпелось услышать продолжение истории о старшей Софии, но физические силы были на исходе, и глаза слипались от нестерпимого желания заснуть, да и голова уже с трудом переваривала полуночную информацию. Прикрыв дверь на темную террасу, Соня принесла две большие подушки в чистых выглаженных наволочках и, закутавшись в мягкие флисовые пледы на разложенном бархатном диване, сестры моментально отключились.

— Я немного похозяйничала у тебя. Ты же не сердишься? — залепетала Алекса, когда заспанная старшая сестра вышла на кухню. — Кофе и сэндвичи с хамоном уже готовы!

На столе был сервирован скромный завтрак, а яркие ароматы свежесваренного кофе и свежесжатого апельсинового сока, словно соревнуясь между собой, приятно насыщали утренний воздух на веранде. День обещал быть жарким, и Соня предложила провести его у моря, заверив сестру, что знает невероятно красивые и уединенные места белоснежного пляжа Кастельдефельс. И всего через несколько минут дороги, удобно расположившись на толстом покрывале и укрыв в тени корзину с легким перекусом, девушки с трепетом вновь окунулись в

историю прошлых лет, освежив в памяти вчерашнюю поставленную запятую на моменте бракосочетания их общего отца и мамы Софии.

Глава 6

Это было начало весны тысяча девятьсот восьмидесятого года, когда Москва медленно избавлялась от февральских сугробов, просыпаясь, расправляя могучие плечи и готовясь к особенному событию — Олимпиаде. Первый случай, когда крупное спортивное соревнование мира доверили не просто представителю Восточной Европы, но и социалистической стране. Это время стало для москвичей большим испытанием, в виду того, что столица просто обязана была провести эти Игры на высшем уровне, несмотря на спад в экономике и нестабильную ситуацию в городе и в стране в целом. Москву старательно избавляли от сомнительных элементов, переселяя неблагонадежных граждан за «сто первый километр» и сделав въезд в столицу ограниченным. Чуть ранее в городе было проведено несколько рейдов по ликвидации нелегальных таксистов, устранению организованной преступности и изъятию огнестрельного оружия, находящегося у криминальных группировок. Школьников планировали массово отправить в пионерские лагеря, а вот на студентов ложилась большая ответственность — из них готовили волонтеров, фельдшеров, носильщиков, продавцов и переводчиков. Но, несомненно, у грядущего мероприятия были и положительные стороны: на полках продуктовых магазинов наконец появились товары, даже их изобилие, началось строительство спортивных объектов и инфраструктуры, да и сам город стал более безопасным, чистым и нарядным. Необходимо было в кратчайшие сроки построить современные гостиницы, новый телерадиокомплекс и ликвидировать продовольственный дефицит. И все было выстроено и подготовлено, хоть и с чудовищной бесхозяйственностью... Лишь одно, но глобальное событие омрачало предстоящие Олимпийские игры — уже в разгар подготовки к Олимпиаде, перед самым Новым Годом, в конце декабря тысяча девятьсот семьдесят девятого года Советский Союз ввел войска в Афганистан, и, в знак протеста, более пятидесяти делегаций стран мира отказались приехать в Москву.

В период этих масштабных событий, где-то на окраине расцветающего города — в трехэтажном доме на Палехской улице, маленькая обессиленная женщина маялась низким давлением, нестерпимой болью и душевными терзаниями. Отец, воспользовавшись появившимся ассортиментом в магазинах, всячески старался угодить супруге, покупая различные лакомства и деликатесы, но Софию не радовало ни разнообразие на столе, ни забота супруга, ни долгожданная поздняя беременность, ни наступление календарной весны, тем более что конец марта выдался нестабильным в плане погоды. Снег сменяло ослепляющее солнце, ветер сбивал с ног, принося влажность и уныние, а грязные окна дарили лишь черные пейзажи, наполненные слякотью и гололедом. В зеркальном отражении давно исчезла задорная миниатюрная девчонка, заряженная счастливыми эмоциями и звонким смехом, и только уставшее полное тело с отеками и страданиями на лице, грустно висело в облаке мутного стекла. София корила себя за то, что не испытывала ожидаемой радости от своего положения, не рисовала в своих фантазиях счастливых моментов, связанных с появлением ребенка, не растворялась в эйфории будущих материнских забот. Но, несмотря на это, супруги искренне старались достойно преодолеть временные трудности и, примерив роль ответственных и счастливых родителей, войти в новый жизненный этап, до которого оставалось всего лишь шесть весенних недель.

Измотанные зимними холодами и ветренной сыростью, все ждали обнадеживающего солнца и тепла, но погода давала порадоваться лишь на мгновение и вновь засыпала будущий олимпийский город мокрым снегом.

В один из таких промозглых тоскливых дней и без того измученную Софию потревожил телефонный звонок. С трудом поднявшись из кресла, неторопливым шагом она добралась до кухни, но телефон замолчал и тут же зазвонил снова, заставив ее мысленно выругаться и поднять трубку. Известие на том конце провода было гораздо печальнее, чем сюжет за окном, и хлынувшие горячие слезы Софии, смешиваясь с ледяными каплями тающего снега, отобрали

последние силы. Супруг успел подхватить ее, прежде чем маленькая женщина грузно опустилась на твердый пол пятиметровой кухни и хрипло прошептала: «Мама умерла!»

Вместе с мамой умерла надежда, безграничная родительская любовь и самая надежная опора в жизни. София была уверена, что именно мама поможет ей после рождения ребенка — будет опекать и подсказывать, направлять и советовать, исправлять ошибки и сглаживать острые углы, передав ей способность безоговорочно любить и заботиться о детях. Ведь так было в ее детстве, в юности и даже во взрослом возрасте — мамина теплая ладонь гладила растрепанные волосы, вытирала слезы печали и прижимала к своему доброму отзывчивому сердцу, исцеляя любые болезни и даря надежду и уверенность, но сейчас эта зловещая новость о потере самого родного человека отзывалась в сердце так остро, что сопротивляться ей не было сил.

Все хлопоты, связанные с погребением, отец, конечно же, взял на себя, ведь София была жутко подавлена, а ее самочувствие вызывало тревогу, в связи с чем муж неоднократно настаивал на госпитализации, но супруга наотрез отказывалась лечь в больницу до похорон матери. Погода как будто намеренно испытывала ее на прочность, опустив столбики уличных термометров до глубоких минусовых отметок, и влажный воздух в своих порывах пронзительно срывался на вой, укладывая на землю, не способные сопротивляться мартовскому ветру черные деревья.

Измощенная маленькая женщина стояла у могилы матери в старом зимнем пальто, грубые пуговицы которого не застегивались из-за огромного живота, и тщетно пыталась прикрыть грудь пуховым платком, но озлобленный ветер срывал его, оголяя заплаканное лицо и опечаленную душу. Деревенское кладбище, расположенное на высоком берегу реки, было занесено плотными сугробами, и снег, заваливаясь в короткие сапоги, беспощадно морозил отекавшие ноги. Здесь — за городом, словно никто не слышал о том, что наступила весна.

Родные места больше не дарили вдохновение и силы, не напоминали о беззаботном детстве и счастливой молодости и лишь на мгновение, заметив облупившийся указатель «колхоз Борец», в глубоком сознании повеяло ароматом клубники и теплотой их первой встречи... Где это счастье, которое тогда казалось безграничным?! Где та уверенность и легкость?! Почему сейчас так холодно и больно, и даже его крепкие объятия не спасают от зловещей стужи?! Чуть теплый воздух автобусной «печки» не способен был оттаять обледевшее пространство и продрогшее до кончиков волос тело, и лишь дыхание супруга согревало ее покрасневшие ладони, не позволяя впасть в отчаяние. Только спустя несколько часов, наконец оказавшись в родительском деревенском доме, София почувствовала, как корка соленого льда исчезла с обмороженного лица, а красное сухое вино, пробежав по венам, уверенно избавило от лютой дрожи, подарив счастливое ощущение расслабленности и приятного жара. Удивительно, но беременной женщине внезапно стало безразлично происходящее вокруг, и, улыбаясь, она медленно провалилась в сон.

Возвращение в сознание оказалось жутко болезненным и тяжелым, заставив почувствовать рвотные позывы и давящую боль между лопаток. София с трудом открыла глаза, но размытые очертания не позволяли оценить ситуацию и обстоятельства, и лишь спустя несколько минут, в узкой полосе света, пробивающегося из коридора в темную палату, ей удалось различить силуэты супруга и персонала в белых халатах. Тихо застонав, женщина вновь впадала в бессознательное состояние, успев опорожнить свой желудок на затёртый линолеум и заставив суетиться недовольных санитарок и медицинских сестер.

Более пяти суток высокая температура не сбивалась ни капельницами, ни уколами, и даже антибиотики не давали ожидаемого эффекта, но врачи безразлично разводили руками, отговариваясь заученными фразами про вирусную инфекцию, с которой ослабленный беременностью организм плохо справляется.

— Что Вы паникуете, папаша?! — фамильярно комментировала ситуацию лечащий врач. — Температура во время болезни — это естественная реакция организма, а Ваша жена не единственная больная в нашем отделении!

Но для отца она была единственной не только в стенах этой отвратительной деревенской больницы, но и на всем свете. Спустя два дня температура действительно спала, но это не улучшило состояние супруги, а, наоборот, приковало ее к кровати. Она уже с трудом вдыхала больничный воздух, издавая хрипы и умоляюще смотря в его голубые глаза, наполненные искренними переживаниями и беспомощностью. Все же через некоторое, к сожалению, упущенное драгоценное время отцу удалось добиться перевода Софии в столичную клинику, где ей наконец был поставлен правильный, но неутешительный диагноз — пневмония! Сильное переохлаждение, затяжной стресс и безграмотное лечение дало свои плоды, но теперь хотя бы появилась надежда на выздоровление, ведь Боткинская больница уже тогда славилась выдающимися специалистами и достойным оснащением. Изнеможенную женщину поместили в отдельную палату и назначили соответствующую терапию, благодаря которой уже к вечеру следующего дня на ее лице появился слабый румянец и прорезался зверский аппетит. Впервые за последнюю неделю, отца окутало сладкое чувство спокойствия и безмятежного сна.

В послеобеденные часы посещения он снова дежурил у входа в отделение, ожидая, когда медсестры дадут разрешение пройти в палату к супруге, но к его изумлению, Софии не было ни на больничной койке, ни в коридоре.

— Видите! А Вы переживали! Уже бегают где-то Ваша жена! — обратился к отцу седой крупный мужчина в белом халате, но эту оптимистичную речь нарушил испуганный взгляд молодой санитарки.

— А Вы разве не в курсе? — почти прошептала она, спешно соображая, чьей реакции стоит опасаться больше: главного врача или обеспокоенного супруга. — После обеда пациентку увезли в реанимацию. У нее внезапно началась родовая деятельность...

Даже не дослушав дальнейшее повествование бледной девушки, отец бежал по длинному коридору вслед за седым главным врачом, и только холодная распашная дверь с надписью «РЕАНИМАЦИЯ» заставила обоих остановиться.

— Вам дальше нельзя! Ожидайте!

Ожидание — коварное слово... Да! Всего лишь слово! Но на что способны эти несколько букв! Ожидание дарит надежду, дает возможность перенестись в будущее, нарисовав различные исходы этого мучительного процесса. Ожидание — действие без определенного отрезка времени... мгновение... час... год... или вечность. Ожидание — приговор, способный отобрать силы, эмоции и даже жизнь... И сейчас это короткое слово медленно убивало не только Софию, но и ее супруга, застывшего в этом ожидании на железной банкетке Боткинской больницы.

— У Вас родилась девочка, — разнеслось грубое шипение главного врача по мрачному пространству больничного холла, — Она очень слаба — недоношенная. Мы переведем ее в детский стационар, — и, увидя абсолютное безразличие к этой информации и предвкушая следующий вопрос, с искренним сочувствием произнес далеко неутешительный исход томительного ожидания.

— К сожалению, Ваша жена впала в кому. Мы делаем все возможное, чтобы стабилизировать ее состояние, но на фоне запущенной пневмонии и преждевременных родов ее самочувствие резко ухудшилось. На данный момент она подключена к аппарату искусственной вентиляции легких... Нужно ждать...

Снова ждать! Опустившись на ледяные ступени Боткинской больницы, отец смиренно принимал хлопья мокрого снега и порывы бездушного ветра, и казалось, что он и сам впадает в кому от произошедшего и осознанного трагизма случившихся событий. Молодой, уверенный,

крепкий мужчина плакал... от бессилия, от невозможности забрать ее боль себе, от отчаяния и ненавистного слова — ожидание.

Дни тянулись серым мрачным периодом, не давая ни положительной ни отрицательной динамики, лишь ежечасно озвучивая одни и те же страшные, но оставляющие надежду слова — «состояние стабильно тяжелое». И он верил, ждал, что однажды София сожмет его руку, и по тонким венам побежит долгожданное исцеление. Только поздним вечером отец покидал больничные стены, давая себе небольшую передышку, а ранним утром снова «заступал на дежурство» у кровати жены. Эти мучительные часы ожидания возвращали его к счастливым клубничным моментам трудового лагеря, к Ялтинским нежным ночам, к веселым новогодним праздникам и к миллиону прекрасно прожитых дней, заполняя сердце жгучей досадой, что все это может остаться только в его воспоминаниях. Все эти долгие годы София оставалась для него самой желанной, уютной и заботливой, согревая в лютую стужу, успокаивая в тревожный день и вселяя надежду в любых обстоятельствах. Всегда задорная и упрямая! Всегда... но не сейчас, ведь в глубине ее закрытых глаз он видел бессилие и искреннюю усталость. «Где ты, стройная красавица с бронзовым загаром и густыми русыми волосами, кокетливо выпускающая тонкую струйку дыма и игриво поднимающая бокал белого вина?! Почему сейчас твои нежные губы не пахнут клубникой, а синеют от удушливых трубок?! Почему я не смог уберечь тебя?!» — эти безнадежные мысли сопровождали отца каждый раз, когда он покидал палату реанимации поздними весенними вечерами.

Очередное разбитое утро удивило его долгожданными яркими лучами и плюсовой апрельской температурой, придав немного уверенности и позитивного настроения. Ведь с того самого дня похорон ее матери погода оставалась тоскливой и пасмурной, и только сегодня, впервые с начала календарной весны, небо порадовало ослепительным солнцем и обнадеживающим теплом, а отрывной календарь напомнил о великом празднике Благовещения, отобразив красным цветом седьмой день апреля. Отец скупно улыбнулся, ощутив согревающий прилив надежды — «Благие вести! Сегодня будут благие вести!» С этими окрыляющими рассуждениями он почти бежал по ступеням подземного пешеходного перехода, проходящим под оживленным Ленинградским проспектом, остановившись лишь на несколько секунд, чтобы купить букет бордовых роз на длинной ножке с толстыми шипами. София любила кустовые розы нежно-персикового цвета, фиалки и белые тюльпаны, но отец искренне был уверен в том, что эти мелкие цветы не способны выразить настолько огромное чувство к ней, и переубедить его в обратном было невозможно.

Койка Софии в реанимационном отделении была пуста, и супруг с облегчением и нескрываемой радостью бросился к сестринскому посту, чтобы уточнить в какую палату перевели его жену, но навстречу ему вышел все тот же седой врач, жестом пригласив обеспокоенного мужчину в свой кабинет. Больничный воздух подозрительно застыл, насыщая тишину помещения горьким вкусом и изнуряющим предчувствием беды, а фразы повисли в пасмурном пейзаже, как парализующее затишье перед цунами. И в эти секунды отец почувствовал, как обжигающая волна окатила его тело, как в голове прогремели страшные «взрывы», как пронзили его открытое сердце злые электрические молнии, заставив навсегда замолчать нежный доброжелательный ритм, переключив его на бездушный автоматический режим. В зловещей тишине старого кабинета было слышно, как с исколотых шипами ладоней отца падали крупные капли крови, пряча в своем алом цвете невыносимо жгучие слезы.

— Я настаиваю на вскрытии! — вдруг громко и сухо, как будто произнесенные совершенно другим человеком, прозвучали слова отца.

Больше никто не видел его слез, ведь в этом новом автоматическом режиме сердца не были предусмотрены чувства сожаления, сострадания и сентиментальной печали. Сердечную мышцу окутала стальная колючая проволока, настроив программу на справедливое наказание всех причастных к смерти его любимой Софии. Теперь он верил только в свою правоту, в лич-

ные аргументы и интуицию, не принимая во внимание чужое мнение и советы. Он должен был настоять на госпитализации Софии еще до похорон матери, должен был заставить врачей деревенской больницы пересмотреть лечение, ведь он был прав! Но не уверен... Не убедил... Иначе любимая женщина была бы жива. С этого дня он никому не позволял оспаривать собственное мнение, с которым можно было только согласиться или отступить. Любые попытки возразить или предложить иную точку зрения вызывали немыслимую агрессию и гнев, как будто отец боялся уступить или усомниться в себе, тем самым снова допустив трагедию.

Пустую квартиру на Палехской улице заволокло трагизмом и одиночеством, и только телефонные звонки то и дело выдергивали отца из состояния задумчивой печали.

— Здравствуйте! — прозвучал женский голос на том конце провода. — Я могу Вас поздравить...

— Поздравить?! — с недоумением произнес отец, успев привыкнуть к тому, что последние несколько дней из телефонной трубки раздавались лишь искренние соболезнования. — С чем?

— Ваша девочка больше не нуждается в стационарном наблюдении. Ее можно завтра забрать. Мы уже подготовили все документы к выписке...

Тараторя, девушка озвучила список необходимых вещей и адрес, где необходимо было «получить» ребенка, о котором он ни разу не вспомнил с момента ее рождения. Разъединив звонок, отец растерянно оглядел квартиру, в которой совершенно ничего не было подготовлено для новорожденной малышки, кроме небольшого пакета со старыми вещами, собранными подругами Софии. Устало вытащив скомканное байковое одеяло и несколько крошечных вещей, он небрежно бросил их на диван, позволив себе также небрежно заснуть в этом полном беспорядке и одиночестве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.